

В летописях петербургского общежитья имя Е.М. Хитрово осталось так же незаменимо, как было оно привлекательно в течение многих лет. Утра ее (впрочем, продолжавшиеся от часу до четырех пополудни) и вечера дочери ее, графини Фикельмонт, неизгладимо врезаны в память тех, которые имели счастье в них участвовать. Вся животрепещущая жизнь европейская и русская, политическая, литературная и общественная — имела верные отголоски в этих двух родственных салонах. Не нужно было читать газеты, как у афинян, которые также не нуждались в газетах, а жили, учились, мудрствовали и умственно наслаждались в портиках и на площади. Так и в двух этих салонах можно было запастись сведениями о всех вопросах дня, начиная от политической брошюры и парламентской речи французского или английского оратора и кончая романом или драматическим творением одного из любимцев той литературной эпохи. Было тут обозрение и текущих событий, был и *Pétersbourg* с суждениями своими, а иногда и осуждениями, был и легкий фельетон, нравоописательный и живописный. А что всего лучше, — эта всемирная, изустная разговорная газета издавалась по направлению и под редакцией двух любезных и милых женщин. Подобных издателей не скоро найдешь. А какая была непринужденность, терпимость, вежливая и себя и других уважающая свобода в этих разнообразных и разноречивых разговорах! Даже при выражении спорных мнений не было и слишком кипучих прений: это был мирный обмен мыслей, воззрений, оценок, система *free trade*, приложенная к разговору. Не то что в других обществах, в которых задирчиво и стеснительно господствует запрети-

* Сочинения кн. П.А. Вяземского, т. VIII, с. 493—495.

тельная система: прежде чем выпустить свой товар, свою мысль, справляешься с тарифом; везде заставы и таможни.

В числе сердечных качеств, отличавших Елизавету Михайловну Хитрово, едва ли не первое место должно занять, что она была неизменный, твердый, безусловный друг друзей своих. Друзей своих любить немудрено, но в ней дружба возвышалась до степени доблести. Где и когда нужно было, она за них ратовала, отстаивала их, не жалея себя, не опасаясь для себя неблагоприятных последствий, личных пожертвований от этой битвы не за себя, а за другого. Несчастная смерть Пушкина, окруженная печальною и загадочною обстановкою, породила много толков в петербургском обществе, она сделалась каким-то интернациональным вопросом. Вообще жалели о жертве, но были и такие, которые прибегали к обстоятельствам, облегчающим вину виновника этой смерти, и если не совершенно оправдывали его (или, правильнее, их), то были за них ходатаями. Известно, что тут замешано было и дипломатическое лицо. Тайна безымянных писем, этого пролога трагической катастрофы, еще недостаточно разъяснена. Есть подозрения почти неопровергимые, но нет положительных юридических улик. Хотя Елизавета Михайловна по семейным связям своим и примыкала к дипломатической среде, но здесь она безусловно и исключительно была на русской стороне. В Пушкине глубоко оплакивала она друга и славу России.

Помню, что при возвращении из-за границы в Петербург, при выходе моем с парохода на берег, узнал я о недавней кончине Елизаветы Михайловны. Грустно было первое впечатление, приветствовавшее меня на родине: не стало у меня внимательной, доброй приятельницы; вырвано главное звено, которым держалась золотая цепь, связывающая сочувственный и дру-

жеский кружок; опустел, замер один из петербургских салонов, и так уже редких в то время.

П.А. Вяземский

У Е. КАРЛГОФ*

28 января 1837 года осталось памятным днем моей жизни. Я с самого детства благоговела перед литературными знаменитостями. Вышедши замуж, я познакомилась с некоторыми литераторами, но самых знаменитых еще не видела. Мой муж, который со всеми ними был близок и который находил величайшее наслаждение исполнять мои желания, обещал мне познакомить меня с ними со всеми. Приезд в Петербург партизана Давыдова, давнишнего знакомого моего мужа, дал повод сделать обед в его честь и пригласить всю литературную аристократию, которую мой муж встречал каждую субботу у Жуковского. Когда он сказал мне об этом обеде, то я пришла в неописанный восторг. Несколько дней оставалось еще до этого обеда, и я была им так занята, что каждую ночь видела его во сне с разными подробностями и изменениями.

Наконец наступил нетерпеливо ожидаемый день. Я встала рано поутру, хлопотала, заботливо все приготовляла, придумывала, как бы устроить все в лучшем виде для принятия дорогих гостей. Оделась с большим тщанием и в 4 часа вышла в гостиную. Первый приехал Крылов. Он был чрезвычайно рассеян и до того забывал физиономии, что перепутывал своих знакомых (разумеется, не близких) и взял привычку всех приветствовать словами: «как я давно не имел удовольствия

* «Русский Вестник» 1881, сентябрь, с. 150—152. «Жизнь прожить не поле перейти» — записки неизвестной. Записки принадлежат Е. Драшусовой-Карлгоф.